

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ НОВГОРОДСКОГО ГОСТОМЫСЛА

© 2019 г. В.Я. Петрухин

*Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

«Старейшина» Гостомысл, согласно предлагаемой в статье гипотезе, появился в новгородской традиции благодаря обмену информацией о событиях в Прибалтике с традиционными партнерами Новгорода — немцами. Новгородская первая летопись упоминает Дедрика (Теодориха) Бернского, о нем повествуют Кведлинбургские анналы, описывающие также гибель ободритского правителя Гостомысла.

Gostomysl, «the Elder», according to the author's hypothesis, appeared in the Novgorod tradition due to the information exchange about the events in the Baltics with the traditional partners of the Novgorodians — the Germans. The first Novgorod chronicle mentions Dedrich (Teodorich) of Bern, mentioned in the Annales of Quedlinburg, where the death of Obodrites' ruler Gostomysl is also described.

Ключевые слова: Гостомысл, Новгород, летописи, саги, эпос.

Keywords: Gostomysl, Novgorod, chronicles, sagas, epic.

DOI: 10.31857/S0869544X0004201-4

Гостомысл остается самой загадочной фигурой начальной новгородской и русской истории. Он неизвестен начальному летописанию, донесенному Повестью временных лет, вставлен в начало списка посадников Новгородской первой летописи (НПЛ) [1. С. 164] в соответствии с исследованной В.Л. Яниным традицией о словенском «старейшине Гостомысле», сложившейся в летописании XV в. ([2. С. 65–68] (ср. гипотезу об упоминании Гостомысла в более ранних, реконструируемых сводах [3. С. 48])).

Краткость известий о Гостомысле с эпохи Средневековья (от «Сказания о князьях Владимирских» до «Иоакимовской летописи» в изложении Татищева¹) провоцирует на конструкцию пространных сюжетов с активным участием этого героя в призвании варяжских князей и т.п. Традиционно постулируются и фольклорные основы этой фигуры, хотя в летописях с Гостомыслом не связаны никакие фольклорные сюжеты и даже мотивы (ср. [5. С. 288–294; 6. С. 49–53]).

Единственным безусловно древним свидетельством «реальности» персонажа остается само имя *Гостомысл*. В новгородской традиции известно

¹ О фантастичности конструкции Татищева, в том числе измышленных им имен см. [4].

имя *Гостята*, но точным соответствием летописному Гостомыслу является праславянское *gostomyslъ [7. С. 67]: Фульдские анналы под 844 г. сообщают о победе Людовика Немецкого над ободритами и гибели их короля (rex) Gostomuizli, сходное известие содержат иные латинские хроники (в Ксантенских анналах он назван одним из королей винидов/вендов, см. [8. II. S. 139–140; 9. S. 253]), Кведлинбургские, Альтайхские и Хильдесхаймские анналы приписывают расправу с Гостомыслом Лотарю [10. С. 37, 96, 229]. Многочисленные попытки отождествить этого ободритского «короля» Гостомысла со «старейшиной» русского летописания, продлив его жизнь до эпохи призвания варягов, безосновательны.

Очевидны, вместе с тем, особая значимость этого имени в латинской аналитике и свидетельства постоянных контактов Новгорода с Балтийским регионом, в том числе с миром балтийских славян. На языковом уровне эти контакты, воздействовавшие на сложение новгородского диалекта (койне) проанализированы А.А. Зализняком [11], не менее значимы археологические данные, в том числе по погребальному обряду, характеризующему новгородскую элиту XI – начала XII в. (так называемые камерные гробницы (ср. [12; 5. С. 294])).

Значимым для понимания административного устройства Новгорода представляется обычай славян-ободритов, который описал в Хронике начала XI в. немецкий епископ Титмар Мерзебургский. Он сетовал на то, что христианизированные славяне редко посещают церковь. «Почитая домашних богов и надеясь на их покровительство, они приносят им жертвы. Я слышал о некоем посохе, на конце которого была рука, держащая железный обруч; пастырь того села, где он находился, носил его с собой от дома к дому. При входе [в дом] носитель (посоха) приветствовал его такими словами: “Не спи, Хеннил, не спи!” – ведь так его звали на языке крестьян; – затем эти глупцы, роскошно там пообедав, наивно полагали, что теперь находятся под его защитой» [13. VII. 69]. Имя «защитника» остается загадочным: Л. Мошинский предполагал, что Хеннил – ошибочно записанное немецкое (?) слово (см. обзор: [14. С. 153–154]). Вообще интерпретация данных латинских авторов чрезвычайно осложнена тем, что эти данные соотносимы не со славянской, а с привычной для христианского автора традицией: палка/посох (особенно епископский) постоянно упоминаются Титмаром в Хронике как атрибуты власти. Для сюжета с жезлом интересен эпизод со знаменем, описанный Титмаром под 1015 г. [13. VII. 15 (11)]: во время пребывания императора Генриха II в Мерзебурге к нему явился «из западных земель» некий крестьянин великанского роста; «с собой он нес палку, которой погонял во время пахоты скот, когда через голубя получил с неба повеление». Содержание небесного послания остается неизвестным, но император пренебрег им – и потерпел неудачу в войне. Очевидно, что палка погонщика выполняла здесь функции «антенны» – мирового дерева, достигающего небес.

Смысл самого обряда с жезлом, именуемым Хеннил, ясен, с точки зрения феноменов, описанных в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: это так называемый *обходный обряд*, центральным символом которого оказывается фетиш-палка, сходный с обрядовым деревцем, веткой и т.п. фетишами, настолько же характерными для обходов, насколько характерными были трапеза, приговоры и т.п. [15. Т. 3 С. 483–487].

Характерны в этом отношении находки небольших палочек-жезлов, которыми изобилует Новгород: полторы сотни таких жезлов известны были по своду резного дерева, изданному Б.А. Колчиным [16. С. 41–42]. Большая их

часть датируется X–XI вв., поэтому жезлы принято соотносить с некими языческими ритуалами. Сами жезлы предназначались для того, чтобы быть связанными к каким-то предметам, для чего предназначался вырез в нижней части; жезлы иногда венчались изображением зоо- или антропоморфной головки. Более прочих приближает нас к описанию Титмара другая серия новгородских находок: это изображения руки, держащей палку. Правда, их датировка отдалена от «языческого» времени — они относятся преимущественно ко второй половине XIII–XIV в. ([16. С. 39–40]; тем же временем датируется находка из Старой Руссы). Среди них выделяется небольшая (10 см) находка стержня, который венчает фигура лежащего льва с высунутым языком, рижский стержень также завершается львиной головкой: стержень мог служить апотропеем, отпугивающим нечистую силу [17. С. 397].

С этой балто-славянской перспективой соотносятся и находки с новгородских усадеб — многочисленные антропоморфные наверхия ([16. Табл. 33–36]) которые обычно ассоциируются с идолами — изображениями домовых; они напоминают нам о «домашних богах», упоминаемых Титмаром в связи с «пастырем села», носителем сакрального жезла. Б.А. Колчин предположил, что новгородские жезлы могли служить не только боевыми булавами, но и «знаками достоинства, в том числе уличанской администрации [16. С. 21] (ср. «пастыря села» у Титмара).

Ранее А.В. Арциховский [18. С. 40] обратил внимание на миниатюру Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, где композиция, передающая собрание (вече) в Киеве, дополнена сбоку изображением юноши, держащего в руке Т-образный «жезл типичной новгородской формы» — «эмблему веча». Замечу (вслед за Б.А. Колчиным), что форма наверхия, характеризующаяся, как правило «кривизной», связана с материалом — комлем, которому следовал при выборе мотива резчик. Автор специальной публикации Е.А. Тянина [19] справедливо отрицает интерпретацию жезлов Б.А. Рыбаковым, стремившимся увязать их с русальными жезлами из балканской традиции. Их интерпретация зависит от дальнейших исследований — материала, топографии, в том числе места находок в жилищных комплексах.

Археологические, топонимические (Прусская улица в Новгороде) и тому подобные свидетельства единства балтийского мира, конечно, не следует использовать как основание для конструкции исторического образа старейшины Гостомысла: так воспринимался этот персонаж в позднем Средневековье (вплоть до Татищева). Имя ободритского Гостомысла могло проникнуть в новгородскую традицию при посредстве латинской книжности, и свидетельство такого воздействия содержит та же НПЛ (включившая имя Гостомысла в начало списка новгородских посадников). В «Повести о взятии Царьграда фрягами», которая приписывается русскому (новгородскому?) свидетелю разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 г. [20. С. 353], содержится список «воевод», руководивших взятием Царьграда. Первым упомянут некий «Маркос от Рима»: И.Э. Клейненберг показал, что этим личным именем передан титул предводителя крестового похода *маркграфа* монферратского Бонифация, и «чтобы вызвать у читателей или слушателей “Повести” знакомые ассоциации и связать в их сознании местонахождение северо-итальянских владений маркграфа с чем-то им уже известным, автор, поясняя, добавляет» [21. С. 129]: «Въ градъ Бърне, идеже бе жилъ погании злыи Дедрикъ» [1. С. 49]. Речь идет о Теодорихе Готском (Великом), завоевавшем Италию (в том числе Верону/Берн) в конце VI в. и ставшего героем германского эпоса. И.Э. Клейненберг вслед за А.Н. Веселовским (ср. [22. С. 22])

предположил, что выходцы из нижненемецких городов могли быть «передатчиками» своих преданий и песен в Новгороде, тем более, что в упомянутых Кведлинбургских анналах Тидерик из Берна характеризуется как персонаж, о «котором некогда пели сельские жители» [10. С. 25]: *Thideric de Berne, de quo cantabant rustici olim* [23. Р. 31]².

Наименование этого персонажа «поганыи злыи Дедрикъ» соответствует содержанию норвежской «Саги и Тидреке» (составленной «со слов немецких людей» и исследованной еще А.Н. Веселовским): эта сага о древних временах содержит обычное для этой разновидности жанра фантастическое повествование о соперничестве между неким Вильтином (эпонимом вендов/вильцев — ободритов?) и правителями Руси за власть над Восточной Европой и Балтикой, завоевании вильтинов и Руси гуннским вождем Аттилой и его вассалом Тидреком, убийстве правителя Руси (Новгорода/Хольмгарда) Вальдемара/Владимира, передаче власти над Русью его брату Илье и т.д.

В имени Ильи видят отражение образа былинного Ильи Муромца (ср. [22. С. 66—80; 25. С. 337—340]). Среди исторических персонажей с таким именем привлекает внимание новгородский князь Илья Ярославич, включенный в список князей новгородских НПЛ [1. С.161] и, вероятно, посаженный в город Ярославом Мудрым в 1019 г. А.В. Назаренко [26] предположил, что этот князь и был тем анонимным «сыном русского короля»³, за которого выдал свою сестру Кнут Великий, заключивший союз с Русью против польского князя Болеслава I. А.Н. Веселовский [22. С.8] предположил, что фантастические известия «Саги о Тидреке» отражают события эпохи конфликтов немцев с ободритами, Польшей и Русью в раннем Средневековье.

Так или иначе, циркуляция эпических сюжетов, начиная с легенды о призвании варягов с традиционно указываемыми англо-саксонскими параллелями [17. С. 100—120], характеризует балтийский регион; характерен и «обмен» именами, включавшимися в эпический контекст — немецкие сказания получили образ Ильи Русского. Вероятно, результатом такого обмена и стал древний славянский (ободритский) правитель Гостомысл, упоминаемый Кведлинбургскими анналами и прочими хрониками и вставленный в список посадников новгородских (как был вставлен в список князей Ильи).

Еще А.Ф. Гильфердинг возражал против мифологизации этих имен и событий, имевших место уже в Средневековье: к таковым относится рассказ Гельмольда о крещении славян, в том числе жителей Рюгена (Рана) в результате похода Людовика II; Гостомысл у Гельмольда не упоминается, характерным для средневековых этимологических построений представляется возведение культа Святовита к святому Виту [27. 1.6]; таковым же оказывается фальсификат — поддельная грамота Людовика, где тот побеждает ранов убивает их короля (*Gestimilus*), а сам остров дарует Корбейскому монастырю (ср. [28. С. 484—386; 29]. Тем не менее, комментатор переиздания труда почтенного слависта значительно расширяет пределы власти Гостомысла на весь славянский мир Юго-Восточной Прибалтики: «Не исключено, что торговые поселения балтийских славян на севере Руси просто (! — *ВП*) управлялись ободрицким Гостомыслом, а после его смерти управление было ослаблено

² Анналы обвиняют Тидрека, захватившего Рим, в смерти святого Иоанна (папы Иоанна I) и «славных консулов» Симмаха и Бозция. См. о циклизации эпических сюжетов связанных с Тидреком, в том числе о Кведлинбургских анналах [24. С. 63—65]

³ Илья был братом другого Владимира — Владимира Ярославича, который сменил Илью на новгородском столе.

и летописный союз племен (кривичи, словене, чудь, меря, весь) потребовали у “метрополии” себе уже своего князя, коим явился Рюрик» [28. С. 665]⁴.

Имя Рюрика подвергается в этой средневековой традиции не меньшей мифологизации, чем имя Гостомысла. Однако имя Рюрика прочно включено в сюжеты начального летописания — загадочными остаются его братья Синеус и Трувор, составляющие «фольклорную» троицу, но носящие подлинными скандинавские имена. Традиция заставляла составителей ранних летописных текстов искать исторические свидетельства хотя бы в реликтах ономастики (характерная для эпоса тенденция — ср. [31. С. 174—175])⁵. Можно считать, что имя Гостомысла — древнего правителя славян, донесенное латинской (немецкой) традицией было нужной находкой в процессе обмена эпической информацией. Сложнее было с определением его статуса в новгородской предыстории: княжеский статус противоречил легенде о призвании варяжских князей; оставалась функция посадника — так как, согласно новгородской традиции (НПЛ) посадничество (Новгородская волость), по характеристике В.Л. Янина, «старше княжеской власти» [2. С. 65—68]. Фигура Гостомысла выглядела в этом отношении нейтральной, ибо первые исторические посадники — непоименованные, присланные Ярополком, пропущенный в списке Добрыня и упомянутый вслед за Гостомыслом Коснятин Добрынич были явно зависимы от князей: Коснятин был заточен Ярославом Мудрым, в Новгороде князь посадил упомянутого сына Илью [1. С. 161]. Нейтральной модификации придерживалась в отношении статуса Гостомысла новгородская традиция, отраженная Новгородской четвертой летописью и др. [34. С. 3]: в текст Повести временных лет о расселении славян и основании Новгорода была сделана вставка — «и посадиша старѣшину Гостомысла» (вставка предшествовала рассказу о Кие и киевских полянах). Книжный термин *старейшина* (ср. [6. С. 52—53; 32]) «снял» проблему князь или посадник, достаточно драматическую для начала новгородской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 // ПСРЛ. Т. 3 (репринт издания под ред. А.Н. Насонова: М.; Л., 1950).
2. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003.
3. Гиппиус А.А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012.
4. Мельникова Е.А. Гостомysl // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 200.

⁴ В этой конструкции комментаторы следуют (без ссылки) адепту так называемой исторической школы в эпосоведении С.Н. Азбелеву [30. С. 69 и сл.]: он пытался (в соответствии с установками этой школы) удревить до языческих времен сюжет локальной истории XVII в. («История еже о начале Руския земли») о погребении исторического Гостомысла в сопке на Волотовом поле (насыпанной новгородцами пригоршнями) и надеялся на возможность обнаружения могилы Гостомысла в сопке. Еще А.Н. Веселовский [22. С. 15] указывал на позднейший характер этого и подобных преданий, соотносящих книжных героев и богатырей с допотопными великанами (волотами); рассказы о курганах («горах»), насыпанных солдатскими шапками и т.п. бытуют в фольклоре, но никак не соотносятся с древними «реалиями». Но даже цитированные сторонники беспредельной власти Гостомысла в Прибалтике не решились вслед за Азбелевым [30. С. 38 и сл.], опираясь на «Сагу о Тидреке Бернском, удревить русскую историю до эпохи Аттилы. См. об отражении гуннского времени в германском эпосе: [24].

⁵ Характерно и восприятие скандинавской традицией имени Владимир/Вальдемар, как архетипического русского князя (в сагах) [32. С. 53, 58].

5. *Петрухин В.Я.* «Русь и все языки»: аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.
6. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014.
7. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1980. Вып. 7.
8. *Labuda G.* Gostomysł // Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1964. T. 2. S. 139–140.
9. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1973. T. V.
10. Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Пер. И.В. Дьяконова и В.В. Рыбакова. М., 2012.
11. *Зализняк А.А.* Новгородский диалект М., 2004.
12. *Платонова Н.И.* Камерные погребения XI — начала XII века в Новгородской земле // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4.
13. Титмар Мерзебургский. Хроника / Изд. подгот. И.В. Дьяконов. М., 2005.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.
15. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников Е1–55. М., 1971.
16. *Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая. СПб., 2019.
17. *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
18. *Тянина Е.А.* Шаровидные деревянные навершия средневекового Новгорода // Исторические исследования. 2015. № 3.
19. Словарь книжников и книжности древней Руси. Л.; СПб., 1987. Вып. 1 / Под ред. Д.С. Лихачева.
20. *Клейнберг И.Э.* «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники. Сб. статей. Посвящается памяти А.Н. Насонова / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1974.
21. *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 3.
22. *Annales Quedlinburgenses* // Monumenta Germaniae Historica. Hannover, 1839. Т. III.
23. *Мельникова Е.А.* «Сага о Хервёре и конунге Хейдреке» и проблема циклизации германского героического эпоса в Скандинавии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. М., 2018.
24. *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.
25. *Назаренко А.В.* Илья Ярославич // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 333.
26. Гельмольд. Славянская хроника / Пер. с лат. и прим. Л.В. Разумовской. М., 1963.
27. *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян / комментарии В.В. Фомина и С.В. Цветкова. М.; СПб., 2013.
28. *Labuda G.* Korbea Nowa // Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1964. T. 2. S. 476.
29. *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.
30. *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1962.
31. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
32. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. I.
33. *Вилкул Т.Л.* «Старцы» и «старейшины» древнерусской летописи: свидетельства Повести временных лет и славянского Восьмикнижия // Славяноведение. 2014. № 2.